

Мы благодарны искусству за то, что оно непрерывно рассказывает что-то о мире и о человеке, чего логически сформулировать невозможно.

Альфред Шнитке

ОТ АВТОРА

Внимание читателя предлагается первая на русском языке биография одного из крупнейших современных композиторов — Альфреда Гарриевича Шнитке (1934–1998). Естественно, что полный и исчерпывающий биографический труд о нем возможен лишь на основе соответствующего архива (с включением многочисленных писем), в настоящее время еще не сформированного. Данная же книга, жанр которой можно было бы обозначить словами «Альфред Шнитке, каким я его знаю, каким я его вижу», — это взгляд современника, находившегося вблизи Шнитке на протяжении всей его жизни в Москве, сохранившего много личных материалов и воспоминаний.

В 1990 г. мною совместно с Е. И. Чigareвой была опубликована о Шнитке исследовательская монография¹. Она содержала музыкально-теоретический анализ всех основных произведений композитора, написанных до момента окончания работы, предназначалась для музыкантов-профессионалов и не включала биографии музыканта. Публикуемая книга симметрично дополняет первую: в ней прослеживается жизнь и творческий путь Шнитке в биографическом плане и содержится лишь краткое описание некоторых его произведений. Адресу-

¹ Холопова, В. Альфред Шнитке / В. Холопова, Е. Чigareва. М., 1990.

ется она широким кругам читателей, интересующихся музыкой, искусством, культурой.

Фактологической основой данной работы послужили, помимо личных рукописных материалов и публикаций автора, также книги бесед со Шнитке Д. Шульгина и А. Ивашкина². Кроме того, использована книга А. Ивашкина на английском языке³ и многочисленные интервью с композитором разных лиц в журналах и газетах, а также многократно слышанные устные воспоминания Ирины Гарриевны Комардёнковой, сестры А. Г. Шнитке, об их детстве и пребывании в Вене.

Специально для этой монографии мною были проведены беседы с Ириной Федоровной Шнитке — женой композитора, Аркадием Евгеньевичем Петровым — его другом (им же предоставлено письмо А. Шнитке от 28 августа 1957 г.), Реджепом Аллаяровичем Аллаяровым, Евгенией Ивановной Чигаревой и Михаилом Александровичем Сапоновым — бывшими учениками Шнитке по консерватории.

На все использованные книги и материалы, как и на их авторов, в книге даются указания — при их цитировании.

Выражаю мою искреннюю благодарность за консультации сестре композитора И. Г. Комардёнковой, кинорежиссеру А. Ю. Хржановскому, священнику Н. А. Ведерникову, дирижеру В. К. Полянскому, врачу-нейрохирургу А. А. Потапову и многим другим действующим лицам этой книги, а также директору Киноцентра на Красной Пресне Н. И. Клейману, предоставившему возможность просмотреть фильмы с музыкой Шнитке, и особенно Ирине Федоровне Шнитке, высказавшей по моей просьбе замечания по всему тексту данной работы и предоставившей большую часть фотографий.

В. Н. Холопова

Март 2002/Январь 2008/Октябрь 2010

---

² Шульгин, Д. И. Годы неизвестности Альфреда Шнитке. М., 1993; Беседы с Альфредом Шнитке / сост. А. В. Ивашкин. М., 1994.

³ Alfred Schnittke by Alexander Ivashkin. London: Phaidon Press Limited, 1996.

ЛИЧНОСТЬ МНОЖЕСТВЕННЫХ ИЗМЕРЕНИЙ

Альфред Шнитке в своем музыкальном творчестве решает словно бы больше проблем, чем вообще возможно в этом великом искусстве. Он — один из крупнейших композиторов XX века, уже вошедший в разряд классиков на века. Еще при жизни его начали называть гением. К пониманию секрета своей творческой личности Шнитке, мне кажется, дал нам золотой ключ — в своем высказывании о другом музыкальном гении XX века, Святославе Рихтере. Литературная сентенция композитора о пианисте, благодаря яркости мысли, уже не раз обращала на себя внимание. Приведу этот замечательный текст.

«Может быть, он столь велик как пианист именно потому, что он больше, чем пианист, — его проблемы располагаются на уровне более высоком, чем чисто музыкальный, они возникают и решаются на стыке искусства, науки и философии — в точке, где единая, еще не конкретизированная словесно и образно истина выражается универсально и всеобъемлюще. Ординарный ум обычно ищет решения проблемы на ее же плоскости, он слепо ползает по поверхности, пока более или менее случайно, путем проб и ошибок не найдет выхода. Ум гения ищет ее решения в переводе на универсальный

уровень, где сверху есть обзор всему и сразу виден правильный путь. Поэтому те, кто бережет свое время для одного дела, достигают в нем меньшего, чем те, кто заинтересован смежными делами, — эстетическое зрение последних приобретает дополнительное измерение, они видят больше, правильнее и объемнее...» [47, с. 11–12].

В сфере внимания Шнитке, действительно, не только сочинение музыки, но и теория музыки, философия, религия, нравственность. Его типично европейская ментальность живо откликалась на то, что некогда вызывало бурный экстаз у Бетховена, читавшего Канта и делавшего выписки: «Моральный закон в нас и звездное небо над нами! Кант!!!» Сложившийся в нем интеллектуально-духовный комплекс поднимал его видение, эстетическое зрение на высоту, недоступную простому взгляду. У него был дар, пребывая в ограниченных рамках современности, мыслить столетиями и тысячелетиями времени назад и вперед, он обладал способностью словно бы «третьим глазом» воспринимать скрытые параллельные пространства действительности.

И эта высота точки обзора обусловила грандиозный парадокс всего его творческого пути. Парадокс, который можно сравнить с парадоксом зоны из кинофильма Андрея Тарковского «Сталкер»: пошедшие назад оказались дальше устремившихся вперед. Как композитор Шнитке неоднократно и преднамеренно делал повороты от авангардизма к предшествовавшей традиции и от высокого академического стиля к доступно-популярному. На плоскостном современном уровне это выглядело как предосудительное движение вспять. Но через какое-то время почти все европейские авангардисты расстались со своей прежней эстетикой, и некоторые в поисках дальнейшего пути впали даже в бескрылый, обветшавший традиционализм. Универсальный же выход и спасение вся музыкальная культура конца XX века нашла во множественном синтезе всего со всем, всех художественных

стилей и субкультур. И Шнитке, с его даром видения мира во множестве измерений, в пересечении времен и пространств, сразу же стал на путь синтеза — сначала разных исторических стилей, потом разных культур и субкультур. Его шаги «назад» на деле были движением в огромное пространство музыкально-смыслового поля. И когда многие современники еще только ставили перед собой задачу стилевой селекции, Шнитке, обогащенный этой стилевой широтой, уже получал законченные, как сказал бы Гёте, «произведения природы из человеческих рук».

Но все «звездное небо» музыкального творчества и мышления Альфреда Шнитке регулируемо чисто человеческим началом — тысячелетиями выстраданным «моральным законом в нас». Острое нравственное чувство составляет стержень его личности. Отсюда — первое зрелое сочинение со скрытой идеей о предательстве Иуды (Второй скрипичный концерт), музыка к кинофильму по повести Василя Быкова «Сотников», к телевизионному «Моцарту и Сальери» по Пушкину, наконец, обращение к вечному сюжету о Фаусте. Мысль о легендарном Фаусте, вместе с дилеммой Добра и Зла, прошла сквозь всю его жизнь. Завершив оперу «История доктора Иоганна Фауста», Шнитке почти не мог больше создавать музыку: судьба провела здесь свою черту. Моральный компас со стрелками Добра и Зла, который он носил в себе, направлял его на всем свершенном им *восхождении*.

СТАНОВЛЕНИЕ

СЕМЬЯ. ЮНОСТЬ. МУЗЫКАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ

Если проследить родословную Альфреда Шнитке, обнаружится, что фамилия была его предкам когда-то подарена. Один прибалтийский пастор, не имея детей, решил кому-нибудь из окружающих передать свою фамилию «Шнитке», чтобы она не забылась, — и уговорил принять ее знакомую семью.

Альфред Гарриевич Шнитке родился 24 ноября 1934 г. в городе Энгельсе теперешней Саратовской области, тогда — Автономной Советской Социалистической Республики Немцев Поволжья. Город Энгельс — тот бывший Покровск, который обрисован у Льва Кассиля в его «Кондуите и Швамбрании». Примечательно, что роды у матери будущего композитора, его брата и сестры принимал отец Льва Кассиля, врач по профессии. Отец же Альфреда Шнитке, Гарри Викторович Шнитке, работал журналистом и русско-немецким переводчиком. Семья его родителей — из прибалтийских евреев, говоривших на немецком — переехала в Германию, где Гарри родился во Франкфурте-на-Майне в 1914 г. В 1926-м он был перевезен в Москву, откуда в 1930-м сбежал в Энгельс, в Немецкую Республику; там и встретился с будущей женой. Мать Шнитке, Мария Иосифовна Фогель (родилась в 1910-м), происходила из волжских немцев-крестьян,

выехавших из Германии еще при Екатерине II. Литературный работник, она преподавала немецкий язык в школах, в Москве работала в газете “Neues Leben”. Дед по отцу, Виктор Миронович Шнитке, и бабушка, Тея Абрамовна, урожденная Кац, выйдя из среды ремесленников, стали интеллигентами, просветителями, общественными деятелями. Они принадлежали к тому левому по политическим убеждениям передовому слою людей своего времени, которые становились и атеистами, и коммунистами (их сын Гарри также рано вступил в партию). Тея Абрамовна около тридцати лет проработала в Издательстве иностранной литературы (сейчас «Прогресс»), редактируя выходившие здесь учебники по немецкому языку. Дед по матери, Йозеф Фогель, выделился из крестьян тем, что делал сельскохозяйственные деревянные машины, бабушка Полина (Паулина) Шехтель отличалась большой набожностью и говорила только по-немецки.

Альфред Шнитке был старшим из трех детей. Его брат Виктор стал впоследствии поэтом (писал стихи на русском и немецком языках) и переводчиком; сестра Ирина, по мужу Комардёнкова, — педагогом (преподавала немецкий).

Что представлял собой в те времена город Энгельс? Колоритную зарисовку (по Кассилю) делает Ирина Гарриевна Комардёнкова: «Гуляют девушки в цветных платках, грызя семечки. К ним подходят кавалеры в сапогах с калошами. Смахивая семечную шелуху с губ, спрашивают: „Разрешите причепиться?“ Так мы росли». Начало сознательного детства будущего композитора Альфреда Шнитке пришлось на войну, и как раз с Германией, откуда в разное время прибыли представители обеих родительских ветвей. Семья Шнитке из шести человек ютилась в двух маленьких комнатах, и «жилищный вопрос» здесь давал себя почувствовать, как и не раз впоследствии. Каждый вечер бабушка по матери иступленно молилась по-немецки за благополучие всех членов

семьи. Серьезность момента так действовала на детей, что даже егоза младшая вела себя благочинно. А единственным, кого бабушка допускала к себе и с кем вела длительные беседы, был внук Альфред. “Gott, Gott”, — то и дело доносилось из их келейного уединения. Бабушка была католичка, и даже похоронили ее по католическому обряду, несмотря на советское время.

Дети сильно различались характерами. Если младший из братьев, Виктор, был непоседливый, заводила в играх, сорвиголова, трижды тонувший в Волге, при этом деятельный помощник мамы, — то старший, Альфред, наоборот, тихий, обычно с книгой в руках, сосредоточенный на чем-то своем, не всегда ловкий в домашней работе. Притом оба — отличники в школе, на зависть младшей в семье, Ирине. Ее защитником от обидчиков был Виктор, а Альфред думал о книжном просвещении сестры.

Со временем в жизни семьи возникали определенные сложности, которые уже были понятны старшему из детей. А 28 августа 1941 г., после начала войны, по приказу Сталина началось выселение волжских немцев — за Урал, в Сибирь. Высылке подлежали все — старые большевики, герои Гражданской войны, руководители республики, орденосцы, стахановцы, ученые, писатели, инвалиды. Но был один секретный пункт: если глава семьи — не немец, семья не подлежала выселению. В Энгельсе операция проводилась стремительно, в течение нескольких дней. Семье Шнитке тоже сначала приказали выехать. Однако отцу Альфреда удалось доказать свою еврейскую, а не немецкую национальность, и их оставили в этом городе, включая и немку бабушку. По словам Альфреда, «выезд немцев — это была страшная история». После депортации сотен тысяч людей АССР Немцев Поволжья перестала существовать.

Как только началась война, отец, Гарри Викторович, сразу же пошел в военкомат — записаться добровольцем. Его сначала взяли, а потом отослали назад, и точно

так же — еще раз. Это означало одно: недоверие к тому, кто родился во Франкфурте-на-Майне и прибыл в страну из Германии. А ведь следовало бы учесть, что родители отца Шнитке эмигрировали из Германии не на Запад, а в СССР — из-за приверженности коммунистическим взглядам. Гарри Викторович оформился политруком в какое-то ремесленное училище, а затем все же добился отправки на фронт — в 1943 г. И хотя отсрочка скорее всего спасла добровольцу жизнь — он не попал в самое месиво 1941–1942 гг., — старшим детям это принесло еще одну травму: опять подтверждалось постоянное «у нас что-то не так».

После ухода отца в армию на семью навалились новые трудности. Мать была много занята на службе, и мальчики должны были выполнять всю домашнюю физическую работу — заготавливать дрова, топить печку и т. д. Учителям городские власти выделили делянку, где они рубили деревья — и для города, и для школы, и для своей семьи. У Виктора Шнитке это запечатлелось в стихотворении «Ноябрь 1942 года» (по-немецки и по-русски):

Я видел, как мама деревья валила
в скупой на деревья степной стороне.
Пугливая дрожь по стволам проходила
до тоненьких веточек там — в вышине.

И падали, землю вокруг сотрясая,
и пилы усердно вгрызались в стволы.
А бабы пилили и плакали, зная, — так надо.
Не обойтись без пилы.

И детским домам, и больницам — забота,
без дров не прожить. Против тягот войны
всегда нужны жертвы, любовь и работа
молчавших о горе, не знавших вины.

Приобщить Альфреда Шнитке к занятиям музыкой пытались еще перед войной, в 1941-м, хотя в семье не было музыкальной среды. По рассказам матери, в два года у Альфреда была любимая игра — стучать на кухне

крышками и ложками. Теперь его привезли в Москву к деду с бабкой, чтобы он попробовал поступить в Гнесинскую музыкальную школу. Подготовки у него не было ни малейшей, а как грянула война, пришлось его немедленно отправить назад, в Энгельс. В родном городе, когда в 1945–1946 гг. вернули конфискованные у населения радиоприемники, он получил возможность слушать много хорошей музыки, причем особенно полюбил оперные арии, которые старался распевать своим ломавшимся голосом. Возникли и какие-то собственные музыкальные фантазии — под влиянием восхищавшего его красочного оркестра русского композитора XIX века Римского-Корсакова. Однако нот Альфред еще не знал. Импровизации же на губной гармонике доставляли столько удовольствия, словно переносили в рай.

А дальше случилось одно из удивительных «вдруг» Альфреда Шнитке. После окончания войны Гарри Викторовича оставили в Вене работать переводчиком в газете “Osterreichische Zeitung”, издававшейся советскими оккупационными властями для австрийцев на немецком языке. Разрешили привезти туда семьи, была открыта русская школа. Прибыла и семья Шнитке — на два года, с 1946-го по 1948-й.

Ехали в Вену поездом, прозванным «веселым». Пульмановские вагоны, набитые битком, так что ни сесть, ни лечь — негде. Мать, сидя на корточках, держит на руках младшую, Иринку. Иногда раздвигают двери и выбрасывают из вагона человека — будто бы он что-то украл (поди разбери...). По прибытии их встречает человек, говорящий не на таком немецком, как бабушка, — это сильно изменившийся отец.

Вена — вся в развалинах, видны внутренности разрушенных домов. Однако семью Шнитке поселяют в просторной квартире, так что в детской можно кататься на велосипеде. Несказанная широта жизненного пространства! Появляется и симпатичная собачка Фимка

(сохранилась милейшая фотография троих детей с этой крохой). Братья снова ведут себя совершенно по-разному. Виктор увлекается оружием, собирая его в развалинах, однажды даже расстреливает из автомата целую обойму, к великому ужасу матери. Альфред же — снова с книгой. Как-то устраивается на кровати сестры и читает ей сказку Пушкина — «О попе и о работнике его Балде».

Перемена обстановки произошла радикальная. «После пустынного, лежащего вне времени города-сарая Энгельса — прекрасная, вся заряженная историей Вена, каждый день — счастливое событие, везде что-то новое: Хофбург, дер Грабен, Карлскирхе, Бельведер, Шённбрунн, собор Св. Стефана...» [1, с. 28]

Венский оперный театр разбомбили. Можно было попасть в парк Пратер, с Петрушкой (Касперле) в кукольном театре, и в кино. В парке играли вальсы Штрауса, и венцы танцевали. Из трофейных лент показывали «Аленький цветочек», шел фильм «Я ищущего своего убийцу». Альфреда интересовали и страшные фильмы, и книги с таинственными приключениями. В пригородах Вены любовались развалинами замков, видели и тот, где томился Ричард Львиное Сердце.

Здесь, в Вене, начинают вырываться наружу и скрытые до того времени музыкальные способности и интересы Альфреда Шнитке. Отец Альфреда был премирован аккордеоном, скромным и маленьким. Будущему же композитору страшно захотелось иметь настоящий, звучный инструмент, и он проявил такую инициативу. Сложив отцовскую музыкальную премию и собственную любимую коллекцию марок, он продал то и другое вместе и купил большой хороший аккордеон (сохранилась фотография мальчика Шнитке с этим инструментом). Начав подбирать по слуху, он довольно быстро выучился на нем играть.

Но музыкальных знаний так и не было. Тогда Альфред предпринял новый самостоятельный шаг. Этажом

выше жила учительница фортепиано Шарлотта Рубер, и он обратился к ней за помощью. Так в двенадцать лет началось его музыкальное образование. Но в их квартире фортепиано не было, и начинающий музыкант находил рояль или пианино где придется, например в офицерском клубе. Сразу же появились и замыслы собственных сочинений — для фортепиано и даже для аккордеона с оркестром. В дальнейшем, лелея память о первой учительнице, Альфред Шнитке много лет думал о ее судьбе. И когда в 1977 г., через двадцать девять лет (!) ему удалось снова оказаться в Вене, он разыскал Шарлотту и встретился с ней... Кажется, как в сказке — почти через тридцать лет и три года. Но действительность была много прозаичнее: старая фрау не сразу узнала и вспомнила Альфреда. По непонятным для него причинам первая учительница не пришла на концерт, где исполнялась его вещь — *Concerto grosso № 1* — и где он сам играл на фортепиано и клавесине. Лишь в следующий приезд Шнитке в Вену, в 1980 г., она наконец оттаяла и тепло приняла благодарного ученика.

Удивительно, что в разрушенной войной Вене все же поддерживалась музыкальная жизнь: шли оперы («Паяцы», «Сельская честь», «Похищение из сераля»), проходили концерты. Все это молодой Альфред слышал вообще в первый раз. Интересно, что когда он в зале услышал сонаты Бетховена, звучание ему показалось более плоским, не таким объемным, как по радио. Кое-что и смешило. Так, на длиннейшей опере Вагнера «Валькирия» в Венской государственной опере (она длилась четыре с половиной часа) тромбонист в оркестре то засыпал, то брался за инструмент и играл, то опять засыпал. Классическая музыка — Бетховен, Брукнер — нравилась и заинтересовывала, современная же — Стравинский, Дебюсси — казалась чуждой. Отступя чуть в сторону, скажем, что иное дело — Шостакович. Еще до Вены, в 1946 г., Шнитке по радио услышал его Девятую

симфонию, и у него возникло «впечатление чего-то довольно свежего, яркого и неожиданного» [1, с. 30].

Интересна общая оценка венских впечатлений, которую впоследствии дал Шнитке. Одна плоскость — сугубо профессиональная. Суммарный «вкус» этой классической столицы музыки представился ему более *правильным*, чем московский (каким он был в его время), где его не удовлетворяла слишком большая эмоциональная открытость музыки. Задержим внимание на этих впечатлениях Альфреда, начинающего музыканта. Ведь здесь может содержаться подсказка к ответу на трудноразрешимый вопрос: Шнитке — композитор русский или немецкий? Мы видим, что западная составляющая была заложена в его творческое сознание изначально. И она привела к сбалансированному *равновесию* в нем русско-го и западноевропейского.

Но есть и другая плоскость — сугубо личная. С течением его весьма нелегкой жизни «венское интермеццо» стало ему грезиться как сон.

Поразительны его признания в одном из интервью 1981 г. (на немецком языке). «Почти тридцать лет вторяется один и тот же сон: я приезжаю в Вену — наконец-то, наконец-то; это — несказанное счастье, возвращение в детство, исполнение мечты... вхожу в подъезд, направляюсь к лифту, выхожу на четвертом этаже, налево дверь в квартиру, вхожу; все как когда-то, в то лучшее время моей жизни... Потом я просыпаюсь в Москве или еще где-нибудь с учащенно бьющимся сердцем и горьким виноватым чувством беспомощности...» [1, с. 26]

Почему так бесценно дороги оказались всего лишь какие-то два года? Конечно же, таковы его первые годы вхождения в круг настоящей музыки, — для талантливого подростка это захватывающе до головокружения! Но еще — и просвет в вечных вопросах их семьи, в их «что-то не так». Несмотря на то что тут он — сын оккупанта, к тому же еврей, своей наружностью насторажи-

вающий взгляд «чистых арийцев». Шнитке продолжает: «Здесь мне позволительно быть немцем, здесь мое имя не обращает на себя внимания...» [1, с. 27]

То есть Вена предстала перед ним как *мираж родины*, на которую он при этом *не имел права*. Видимо, был усвоен и венский диалект. Во всяком случае, много позднее в немецких городах его постоянно спрашивали, не родом ли он из Австрии. Наконец, будем помнить и о здравом отношении к жизни: два года длилось столь желаемое для всякого человека «упорядоченное, нормальное состояние» [1, с. 27].

Из Вены возвратились уже не в Энгельс, а в Подмосковье, поселившись в Валентиновке — живописном лесном дачном месте, в сорока минутах езды от Москвы. Занятия по фортепиано не возобновлялись. И чтобы все же иметь дело с музыкой, Альфред договаривается с администрацией местного пионерлагеря, что будет каждый вечер играть на аккордеоне для танцев. Это дает ему хорошую техническую практику. А репертуар — соответствующий, кстати, очень широкий: танцы, песни, разная популярная музыка, в том числе и запомнившаяся в Вене.

Естественно, такое аккомпанирование не предвещает поворота в «серьезную» музыку. Изнутри семьи путь скорее бы вел к литературе. Альфред закончил седьмой класс общеобразовательной школы, имея в активе всего лишь два года частных музыкальных уроков. Пробовал показаться в лосиноостровской музыкальной школе, но там ему, как переростку, посоветовали начать занятия только по контрабасу, на что он уже начал настаивать.

И вдруг в августе 1949 г. совершенно неожиданно открылась новая возможность. Отец встретился с человеком, у которого был знакомый — бухгалтер Музыкального училища имени Октябрьской революции. Бухгалтер дал записку к завучу, теоретику Б. К. Алексееву.

Завуч послал молодого человека держать экзамен по сольфеджио и элементарной теории. Родители пришли в волнение: ведь в семье ни в каком колене не было музыкантов! Так в возрасте четырнадцати лет Альфред Шнитке поступил на дирижерско-хоровое отделение Музыкального училища имени Октябрьской революции в Москве.

Врата музыкального профессионализма открылись. Позднее, думая об этом стечении обстоятельств, Шнитке увидел здесь *предопределение*. Он укрепился в мысли, что в мире, наряду со слоем иррационального, существует и слой предопределенности, который может простираться на десятилетия, а то и на всю жизнь...

Но никакая, даже самая пронизательная, интуиция не могла тогда предсказать, что еще при жизни Шнитке училище имени Октябрьской революции станет Колледжем имени Альфреда Шнитке, а после смерти композитора его имя будет носить и открытый на основе колледжа новый музыкальный вуз — Московский государственный институт музыки имени А. Г. Шнитке.

Поступление в профессиональное музыкальное учебное заведение дома отметили покупкой пианино, которое поставили в комнату, где жили два брата с сестрой, в то время как в другой комнате работал отец. Появлению пианино Geschwister младшие не слишком-то обрадовались...

Из зачисленных семнадцати первокурсников только пятеро стали получать стипендию (140 рублей), в том числе и Альфред. А среди сокурсников оказались весьма известные в дальнейшем люди: теоретик Ю. Н. Бычков, впоследствии профессор, декан теоретико-композиторского факультета РАМ им. Гнесиных, автор многочисленных трудов; В. Д. Накапкин, видный педагог-баянист, заведующий отделом баяна того же училища.

В 1950 г. формально решил вопрос о национальности Альфреда Шнитке — неожиданно для всех. По

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru